

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2=Рус)

X 14

Хаджиева Л.Л.

Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания Чеченского государственного педагогического университета, e-mail: luna6677@mail.ru

**Оппозиция «деревня — город»
в творческом сознании М. Исаковского
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются особенности художественной реализации антитезы «деревня — город» в творческом сознании М. Исаковского, ставится цель анализа мотивов и причин формирования и осуществления данной оппозиции в мемуарно-автобиографической книге через систему приемов ее раскрытия. Отмечается актуальность для М. Исаковского в его детстве, отрочестве, юности проблемы «вхождения» в другой, широкий мир, мир культуры, просвещения, «цивилизации», что и является причиной невольного «невнимания» к семье и деревне. В книге «На Ельнинской земле» оцениваются факты проявления односторонних представлений о родной деревне лишь как о символе отсталости. Показывается, что в миропонимании М. Исаковского нет антагонизма «деревня-город», тем более, нет идеализации города, но в отношении к дореволюционной деревне у него есть недооценка некоторых сторон духовной жизни русского крестьянства, несколько негативный оттенок в его оценке, безоговорочное принятие преимуществ городской «постиндустриальной» цивилизации. Приводится версия оценки данного вопроса, принадлежащая А.Т. Твардовскому, делается вывод о специфике гармоничного таланта М.Исаковского, органично сочетавшего «первородство» его природного, сельского происхождения со школой интеллекта, постижения традиций русской классики.

Ключевые слова: Оппозиция, антитеза, «деревня — город», творческое сознание, текст, поэзия, культура.

Khadzhieva L.L.

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Literature and Technique of Teaching, the Chechen State Pedagogical University, e-mail: luna6677@mail.ru

Opposition ‘the village — the city’ in creative consciousness of M. Isakovsky

Abstract:

The paper examines features of art realization of an antithesis ‘the village — the city’ in creative consciousness of M. Isakovsky. The publication sets the goal of analyzing motives and the reasons of formation and implementation of this opposition in the memorial autobiographical book through system of methods of its disclosure. The author shows topicality for M. Isakovsky in his childhood, the adolescence, and youth to ‘enter’ into other, wide world, world of culture, education, and ‘civilization’, which is the reason of

involuntary 'inattention' to a family and the village. In the book 'On the Yelnya Earth', unilateral ideas of the native village only as about a backwardness symbol are manifested. There is no antagonism 'village – city' in M. Isakovsky's outlook, moreover there is no idealization of the city, but in the relation to the pre-revolutionary village he shows underestimation of some sides of spiritual life of the Russian peasantry, a little negative shade in its assessment, unconditional acceptance of advantages of a city 'post-industrial' civilization. The paper gives the version of an assessment of the matter belonging to A.T. Tvardovsky, making the conclusion about specifics of harmonious talent of M. Isakovsky who was organically combining «primogeniture» of his natural, rural origin with school of intelligence, comprehension of traditions of the Russian classics.

Keywords:

Opposition, an antithesis, 'the village — the city', creative consciousness, the text, poetry, culture.

На волне «оттепели», в хорошем смысле раскрепостившей многое и многих, вполне естественно было появление книг «о родине и о себе», достоверных, откровенных, искренних и непосредственных, свободных от необходимости «прятаться» «за ширму» условно реалистического мнимого жизнеподобия. Образы родной семьи, родной деревни показаны в автобиографической книге М. Исаковского «На Ельнинской земле» (1971-73) довольно скупо, главным образом, в одной, хотя и самой обширной главе «В деревне Глотовке». И хотя сказано о родителях с любовью и благодарностью, вызывает некоторое удивление то, что в этой книге, прямо-таки «перенаселенной» людьми, персонажами, иногда не очень интересными и малозначительными, не прошедшими строгого отбора памяти, уделено близким так мало места. Это касается и родной деревни Глотовки, с которой автобиографический герой хотя и не порывает связи, но фактически она очень рано уходит из его жизни. Объясняется это, по-видимому, тем, что для М.Исаковского в детстве и отрочестве была более актуальна проблема «вхождения» в другой, широкий мир, мир культуры, просвещения, «цивилизации». Возможно, это и является причиной невольного «невнимания» к семье и деревне. И всё же это удивительно для поэта, в последующем творчестве которого столь

большое место занимает тема деревни, дома, родного края.

Подтверждение нашим предположениям мы находим в статье А.Т. Твардовского о поэте: «Нельзя сказать, что мы не любили деревню <...> Но мы всей душой стремились к учению, к городской жизни» [1: 211]. И в то же время М.Исаковский серьёзно и взволнованно переживает разлуку с деревней, горько и с сожалением признаваясь: *Всё та же даль, и та же синева, / Но болен я утратою вчерашней: / Я потерял крестьянские права / И на луга родные и на паши (1926) [2: 38].* Однако это щемящее чувство любви к деревне не помешает поэту через два года категорически заявить: *В этой сумрачной хате / Для меня ничего не осталось, / Для моей головы / Эта тёмная хата низка... / Здесь у каждой стены / Приютилась нужда и усталость, / В каждой щели шуришит / Тараканья тоска [2: 45].*

В таких стихах проявляются несколько односторонние представления о родной деревне, лишь как о символе отсталости («Я вырос в захолустной стороне»). В стихотворении «Детство» поэт вспоминает об этой поре своей жизни как о времени безнадежно печальном, наполненном ощущением обездоленности, тоски. Мы далеки от мысли о том, что в этом глубоко реалистичном стихотворении поэт сгущает краски. В ответ на приглашение аллегорического Детства: *Уже-*

ли ж и вправду тебе неохота / Поплавать со мной на плоту, / Ручей перепрыгнуть с разбега, с разлета.../На дуб, на березу вскарабкаться лихо... [2: 32] лирический герой-мальчик заявляет: — *Мне очень охота, — ответил я тихо, — / Да видишь, свиной я пасу... / — Все наши работают в поле с рассвета, / А я вот избу стерегу [2: 32].*

И все же расставленные здесь и в некоторых других стихах акценты свидетельствуют о некоторой недооценке поэтом духовного опыта деревенского детства, о восприятии его как чего-то тягостного. Это отличает точку зрения М. Исаковского от аналогичных автобиографических книг С.Щипачева и Н. Рыленкова, также немало испытавших в детстве и вовсе не склонных его идеализировать, но способных воспринять его как ценнейший жизненный капитал и откровенно его поэтизировать. Каждый человек, воспроизведенный в «Сказке моего детства» Н. Рыленкова и «Березовом соке» С. Щипачева, каждый эпизод активно «работал» на формирование будущих поэтов, был интересен, неповторим, поучителен. А в книге М. Исаковского достаточно случайных лиц и событий, не оставивших заметного следа в жизни поэта. Сам автор в связи с этим признается: «Я иногда писал о мелких, даже не завершенных фактах и событиях автобиографии, писал главным образом для себя самого» [2: 34].

В трилогии Н. Рыленкова органичнее и гармоничнее показано сочетание народных истоков и культурного фона его дарования, тогда как у М.Исаковского эти два начала находятся в некоторой изоляции и оппозиции. В миропонимании М. Исаковского (так же, как и Н. Рыленкова и С.Щипачева) нет антагонизма «деревня-город», тем более нет и идеализации города. Но в отношении к дореволюционной деревне у него есть недооценка некоторых сторон духовной жизни русского крестьянства, несколько негативный оттенок в его оценке, безоговорочное принятие преимуществ городской «постин-

дустриальной» цивилизации. В этом М. Исаковскому близок А. Твардовский, который, как известно, при всей своей глубине и объективности полемически относился к С.Есенину, до конца своих дней видел в его сложном творчестве идеализацию старой деревни, утверждал, исходя из этого, что «патриотизм Есенина носит весьма ограниченный характер, обращен гораздо более к прошлому страны, чем к ее настоящему и будущему», а образ Родины «идилличен и ненатурален» [1: 211]. Всем известно, что в мировоззрении и творчестве С.Есенина имели место разного рода «метания», но сводить к ним искусство поэта не совсем правильно.

А. Твардовский, отмечая, что М. Исаковский «стал одним из крупнейших поэтов нашего времени, добрался, доискался, в сущности самоуком, до познаний, навыков мастерства и общей культуры, несравнимых с кругозором крестьянского дома», особенно подчеркивает узость этого кругозора, хотя делает вывод, что «сочетание унаследованных и вновь приобретенных черт счастливым образом определило все развитие этой личности и поэтической натуры» [1: 211]. Эту мысль справедливо развивает Я. Хелемский: «Исаковский знал все достоинства и недостатки городской и сельской жизни. От предков он унаследовал крестьянскую основательность, полное отсутствие суетности, тонкое ощущение природы, знание деревенского обихода, народных приговоров. Но он уже давно был горожанином, во всем его облике ощущалась интеллигентность, что глубоко соответствует его внутренней сути. Верный всему, чем одарили его родные места, он, однако, не страдал ограниченностью, с ранних лет тянулся к городской культуре и с благодарностью вспоминал тех, кто покровительствовал ему <...>» [3: 67]. В то же время, «среди потрясений XX столетия писатель воссоздает тот тип сознания, который в прежние века служил основой для фольклора» [4: 68].

Тема просвещения впервые возникает еще в главе «В деревне Глотовке». В ней сообщается, что в связи с открытием школы «приехала учительница, которая привезла с собой целую бутылку чернил и сто пять фунтов книг. Почему количество книг определялось фунтами,— с улыбкой рассуждает автор,— было неизвестно. Но сто пять фунтов книг и целая бутылка чернил казались чем-то невероятным, сказочно огромным» [2: 38]. Столь эффективное для сельского мальчика начало школьной жизни не принесет ему разочарования в дальнейшем. Особенно же глубокий след в судьбе М. Исаковского в этом плане оставили два человека — В. В. Свистунов и М. И. Погодин. В. Свистунов, сын полкового писаря, считал себя в большом долгу «перед русским мужиком, который и кормит, и поит всех, и взамен ничего не получает». Лучшим способом искупить этот долг он считал работу сельского учителя. Он мечтал об открытии «мужицкой гимназии», гимназии-коммуны. Молодой, жизненно активный человек, В. Свистунов энергично, энтузиазмом, знания бескорыстно и талантливо отдавал крестьянским детям. По признанию М. Исаковского, он был счастлив тем, что в жизни, особенно в раннюю пору, ему встретилось много хороших людей. И среди них М. И. Погодин, внук известного историка, писателя и публициста. В некрологе, также включенном в автобиографическую книгу, М. Исаковский пишет: он «принадлежал к той группе русской интеллигенции, которая никогда не отгораживалась от народа, <...> считала своим долгом служить ему всем, чем только можно» [2: 82]. М. И. Погодин возил Мишу Исаковского к офтальмологам в Смоленск и в Москву, по его ходатайству

М. Исаковский бесплатно учился в Смоленской гимназии, но главным его «приобретением» от общения с этими людьми было интеллектуальное, культурное, духовное обогащение.

В контексте противопоставления «деревня-культура» находится и «история с М. В. Ломоносовым». Узнав впервые о нем, Миша Исаковский был потрясен его судьбой, вкладом в русскую цивилизацию, но, в особенности, как и подобает наивному и простодушному подростку, тем, что они — тезки. Это совпадение воспринималось им как нечто очень знаменательное. И когда герой, босиком, «в красной рубашке в горошек, в синих штанах из домашнего холста, в стареньком картузике», пришел за 12 верст на выпускной экзамен в сельской школе, он прочел свое стихотворение именно о М. В. Ломоносове. Ненасытная тяга героя к знаниям поражает читателя. Имеется констатация этого явления, но факты говорят сами за себя. Так, увидев у сельской учительницы «Самоучитель французского языка», подросток захвачен мыслью освоить его. Как оказалось, желание научиться писать «не по-нашему» возникло у него еще раньше. «Иностранная текст привлекал меня тем таинственным смыслом, который содержался в нем и который мне хотелось разгадать» [2: 38]. Таким образом, стремление понять, разгадать, «дойти» до сути вещей было характерно для мальчика, вышедшего из деревенской темноты в большой и сложный мир. Именно оно (при всей скромности и неамбициозности его носителя) лежало в основе его гармоничного таланта, органично сочетавшего «первородство» его природного, сельского происхождения со школой интеллекта, постижения традиций русской классики.

Примечания:

1. Твардовский А.Т. Поэзия Михаила Исаковского // Исаковский М. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М., 1989. С. 211-259.
2. Исаковский М.В. На Ельнинской земле. Автобиографические страницы // Исаков-

- ский М. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. М., 1981. С. 38.
3. Хелемский Я.А. На темной ели звонкая свирель. М., 1983. 286 с.
  4. Степанова, Т.М., Аутлева, Ф.А. Элементы народной смеховой культуры как индикатора национального характера в творчестве С.Я. Маршака // Хумор и сатира в координатах на XXI век: сборник от научни стати по материали от II Международна научно-практическа конференция (25 декемери 2015 г., Република България, г. Варна). Варна: Парадигма, 2016. С. 68-74.

References:

1. Tvardovsky A.T. Poetry of Mikhail Isakovsky // Isakovsky M. Collection of works: in 5 vol. Vol. 5. M., 1989. P. 211-259.
2. Isakovsky M.V. On the land of Elnin. Autobiographical pages // Isakovsky M. Coll. of works: in 5 vol. Vol. 3. M., 1981. P. 38.
3. Khelemsky Ya.A. There's a ringing flute at the dark fir. M., 1983. 286 pp.
4. Stepanova T.M., Autleva F.A. Elements of folk laughter culture as an indicator of national character in the works of S. Ya. Marshak // Humor and satire in the coordinates of the 21st century: a collection of scientific articles on materials of the II International Scientific and Practical Conference (25 Decembals 2015, Republic of Bulgaria, Varna). Varna: Paradigm, 2016. P. 68-74.